

Леонид Андреев

Монумент



Сатирические миниатюры для сцены

Леонид Андреев

Монумент

«Public Domain»

1917

Андреев Л. Н.

Монумент / Л. Н. Андреев — «Public Domain»,
1917 — (Сатирические миниатюры для сцены)

«В городе Коклюшине, наконец, решили поставить памятник Пушкину; объявили всенародную подписку, устроили конкурс на проект памятника и учредили комиссию. Проектов было представлено множество, но Ее Превосходительство, по инициативе которой воздвигается памятник, остановила свое внимание только на двух проектах, принадлежащих художникам Фракову и Пиджакову. И в настоящий момент комиссия заседает в квартире Ее Превосходительства как для обсуждения означенных проектов, так и других важных вопросов, связанных с небывалым происшествием...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Леонид Николаевич Андреев

Монумент

Комедийка в одном действии

В городе Коклюшине, наконец, решили поставить памятник Пушкину; объявили всенародную подписку, устроили конкурс на проект памятника и учредили комиссию. Проектов было представлено множество, но Ее Превосходительство, по инициативе которой воздвигается памятник, остановила свое внимание только на двух проектах, принадлежащих художникам Фракову и Пиджакову. И в настоящий момент комиссия заседает в квартире Ее Превосходительства как для обсуждения означенных проектов, так и других важных вопросов, связанных с небывалым происшествием. Члены комиссии, кроме Ее Превосходительства, следующие:

Градский голова, Павел Карпович Маслобойников, лицо почтенное, но лишенное образования. Крупен, лыс, бородат и мордаст. Гавриил Гаврилович, податной инспектор, бывший учитель гимназии, уволенный за то, что ругал учеников дурными словами. Учитель географии в прогимназии, Петр Петрович Еремкин, чахоточный. Местный барон. Некто, внушающий почтение и легкий трепет. Мухоморов Анатолий Наполеонович – самый умный человек в городе; ходит в наваченных брюках, в ушах вата, пальцы длинные и костлявы. Его супруга Анна Титовна; большие черные усы. Иван Иванович, обаятельный молодой человек без речей. И еще два члена без речей: один – всегда смеется с Гавриилом Гавриловичем; другой – ужасается и скорбит с Некоим, внушающим почтение.

Тут же присутствуют и оба художника с проектами. Фраков ненавидит Пиджакова, последний презирает Фракова. По этой причине сидят они в разных концах комнаты. Из посторонних лиц присутствует специально командированный представитель столичной прессы, господин Исполинов.

При открытии занавеса Ее Превосходительства нет: она еще не выходила из своих апартаментов. Члены комиссии собрались кружком около журналиста.

Некто (Исполинову). Пешком изволили? У нас извозчики с семи часов спать ложатся.

Исполинов (глядя на концы брюк). Пешком, да, представьте! Но очень, очень милый городок, такой оригинальный. Однако почему столько собак? Почти как в Константинополе.

Еремкин (страстно). А вы и в Константинополе были?

Исполинов. Как же! Два года писал оттуда корреспонденции, ведь это же рядом с Одессой, ну да! А скажите, у вас это первый памятник?

Барон. Пока первый. Культура этого края еще йене... Да, первый пока.

Маслобойников. А на кладбище-то забыли, барон? Есть, есть, вы сбегайте, поглядите, господин хороший.

Некто. Кладбище у вас знаменитое.

Еремкин. Но господин Исполинов говорят, если не ошибаюсь, о городских монументах. Полководцы, вообще фигуры великих мужей и...

Некто. Напрасно утруждаете себя объяснениями: здесь вам не ваши ученики. Вот воздвигнем памятник Пушкину, тогда и любуйтесь, сколько хотите, тогда ваша воля.

Еремкин. Но...

Гавриил Гаврилович. Нет, вы вот что нам скажите, господин Исполинов: почему Пушкину? Ну, я понимаю, как этого не понять, ну, город и вообще культура, и нельзя же, чтобы одни собаки и калачи, – но почему именно Пушкину? Мало ли других великих людей? А то все Пушкин, Пушкин, ведь это может и надоесть!

Еремкин. Но с точки зрения...

Гавриил Гаврилович. Вас не спрашивают. А вот вы, господин Исполинов, как представитель столичной печати, не удостоите ли нам объяснить?

Исполинов. Виноват, я в вашем городе только гость и...

Барон. Как известно, Пушкин наш величайший поэт, и задачи культуры – как же можно, иначе нельзя. Где же тогда культура?

Гавриил Гаврилович. Нет уж, барон, извините, – конечно, я не противоречу, – но кому это известно, а мне нет, неизвестно. А вам, Пал Карпыч, известно?

Голова (вздыхая). Мне ничего не известно. Вы меня, Гаврил Гаврилыч, не приводите, я здесь не в пример.

Гавриил Гаврилович (хохочет). Вот оно-с! Не любит Пушкина наш почтеннейший городской голова, не одобряет! Но, виноват, вы желаете сказать, господин Исполинов?

Исполинов. Как гость я, право, затрудняюсь ответить, почему вы решили ставить именно Пушкину. Это даже странно.

Гавриил Гаврилович. А я что говорю?! Но ваше отношение к памятнику?

Исполинов. Мое отношение? А что касается моего отношения к памятнику, то оно двоякое: одно – пока памятник еще не поставлен, и другое – когда он уже стоит. В первом случае я имею материал... ну, положим, и не так много... ну, когда десять, а когда и сотню строк; а во втором случае... Ну, и что мне от памятника, когда он уже стоит, сами посудите? Скажу просто: от всех памятников, какие стоят в Петербурге и Москве, я не имею даже рубля! Да и никто не имеет, это же не требует доказательств!

Голова (вздыхая). Да, под квартиру не отдашь.

Еремкин. Но с точки зрения исторической...

Гавриил Гаврилович. Пошла история с географией: вот уж чего не люблю, так не люблю. И почему, господин Еремкин, вы не можете слова сказать без но?

Еремкин. Но...

Некто. Вот так они всегда: но! Не могут, по-видимости, иначе, не могут. И сколько раз я имел удовольствие их слушать, и каждый раз на этом месте удивлялся: но.

Еремкин (пугаясь и оглядываясь). Но как же мне быть, если так начинается: но? Я совсем ничего не думаю сказать лишнего, и вообще я, но...

Гавриил Гаврилович (хохочет). И опять! Не может!

Некто. Очень жаль, если не можете. Позвольте вам внушить следующее: но – есть знак гордости человеческой, а что такое гордость? Но – есть отвращение ума не только от законов человеческих, но даже и божеских, – а что такое ум? Но – есть знак высокой непочтительности, своеволия, так сказать, и даже дерзости. Нехорошо-с, молодой человек, нехорошо-с! обидно!

Еремкин (в отчаянии). Но...

Голова. Цыц! сама.

Входит Ее Превосходительство, поддерживаемая Иваном Ивановичем; ее почтительно приветствуют.

Ее Превосходительство. Уже? здравствуйте, уже? Я так счастлива, наконец, видеть и вообще, наконец, приблизиться – не так ли, господа? Моя мечта – садитесь, господа, – или, лучше сказать, моя идея наконец близка... Не хотите ли чаю? впрочем, чай потом, а сперва нужно что-то другое... что? Надеюсь, господа, вы простите слабую женщину, которая, это правда, так богата идеями, но совершенно беспомощна в вопросах – как это называется?

Мухоморов (подсказывая). Прозаической действительности, Ваше Превосходительство.

Ее Превосходительство. Мерси. Вот видите, какая у меня голова, ах, я такая бедная. Раз это не идэя, то я уже ничего не понимаю, я бессильна, как дитя, – нет, нет, не спорьте. Я даже удивляюсь иногда: зачем у меня тело? Ну, У других, я понимаю, ну, там на что-нибудь нужно; а зачем мне?

Мухоморов. Вы, Ваше Превосходительство, по моему скромному мнению, – я заранее извиняюсь, если что-нибудь не соответствует в моих словах, – вы просто дух, Ваше Превосходительство.

Ее Превосходительство. Вы так думаете? Ах, как это необыкновенно. Но я очень счастлива... Господа, позвольте вам представить нашего достоуважаемого сочлена, господина, господина...

Голова. Кто его не знает, знаем.

Мухоморов (*подсказывая*). Мухоморов, Анатолий Наполеонович...

Ее Превосходительство. Мерси. Вот видите, какая у меня голова! Я, право, не знаю, зачем у меня самой есть имя? Это так ненужно, когда вся душа: не так ли, достоуважаемый Павел Егорович?

Голова. Карпович, Карпов сын. (*Потя.*) Не могу знать, Ваше Превосходительство. Стало быть, нужно, коли дают.

Гавриил Гаврилович (*хохочет*). А для вывески-то? «Павел Карпович Маслобойников-сыновья, мука и бакалея».

Ее Превосходительство. Ну вот, вы все что-то понимаете и даже смеетесь, а я – как это необыкновенно – но к делу, к делу, как говорит монмари¹. Господа, я пригласила господина Мухоморова в нашу дорогую Пушкинскую комиссию...

Голоса. Просим, просим!

Мухоморов и его жена встают и кланяются.

Ее Превосходительство. Ах, как это трогательно! Господин Мухоморов, как вам, надеюсь, известно, самый умный человек в нашем городе; его открыл нам наш дорогой барон...

¹ Монмари – мой муж (фр. mon mari).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.